

2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 776 с.
3. Гумбольд В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1989-1991. – Т. I, II, IV; 1982. – Т. III. – 555 с.
5. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. 2-е изд. – М., 1990.
6. Кондратьева О.Н. Концепты внутреннего мира человека (на примере концептов душа, сердце, ум). АКД. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997.
8. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М., 1996.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
10. Маслова В.А. Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой. – М.: "Флинта", "Наука", 2004, – 256 с.
11. Пименова М.В. Этногерменевтика наивной языковой картины внутреннего мира. – Кемерово, 1999. – 262 с.
12. Пословицы и поговорки русского народа: Из сборника В.И. Даля / Под общ. ред. Б.П. Кирдана; Вступ. слово М.А.Шолохова; Послесл. В.П. Аникина. – М.: Правда, 1987. – 656 с.
13. Почепцов Г.Г. Языковая ментальность : способы представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110-122.
14. Словарь русского языка: В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; гл. ред. А.П.Евгеньева. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1984-1988. – Т. I-IV.
15. Степин В.С., Толстых В.И. Поиск новых ценностей и стратегия развития / В.С. Степин (отв. Ред.), В.И. Толстых // Россия в глобализующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. – М., Наука, 2007, – 640 с.
16. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев, 1992.
17. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. – Новосибирск, 1989, С. 69
18. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание Европейской культуры XX века. – М., 1991.
19. Холявко Е.И. Вторичные номинации, мотивированные этнокультурными представлениями о кривизне. – Гомель, 2002.
20. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). – М., 1994.

УДК 81'374

Наталья Матвеева
(Николаев)

"КОНЦЕПТОГРАФИЧЕСКИЕ"/" ГЛОССОГРАФИЧЕСКИЕ" СЛОВАРИ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ И УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

У статті проаналізовано теоретичні питання створення тлумачних словників, у тому числі навчальних, а також енциклопедичних словників. Запропоновано принципи укладання "концептографічних" та "глосографічних" словників.

Ключові слова: концепт, концептографія, глосографія, тлумачні, енциклопедичні словники.

In the article the theoretical issues concerning the formation of explanatory dictionaries, including educational ones, and also encyclopedic dictionaries are analyzed. The principles of compilation of "conceptographic" and "glossographic" dictionaries are proposed.

Key words: *concept, conceptography, glossography, explanatory dictionaries, encyclopedic dictionaries.*

С каждым годом совершенствуется оптимальная стратегия в области лексикографии, выражающаяся, прежде всего, в разработке типологии словарей. Разрабатывался преимущественно тип толкового словаря, основная задача которого – разъяснение значений и отчасти употреблений слов посредством различных объяснений, перифраз, синонимов и т.п.

В последние десятилетия широкое развитие получила *учебная лексикография* – "специализированная область лексикографии, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты педагогически ориентированного описания языковых единиц в словарях и других произведениях словарного типа" [12, с. 8].

Язык как объект научного рассмотрения описывается обычно без учета и с учетом факта его присущности говорящему человеку. Первый подход называют *лингвоцентрическим*, второй – *антропоцентрическим*. Фундаментальное свойство учебной лексикографии – ее антропоцентрический характер, т.е. осознанная направленность на удовлетворение вполне определенных потребностей, возникающих у вполне определенных пользователей.

Наряду с толковыми (филологическими) как академическими, так и учебными, в лексикографии существуют и энциклопедические словари.

Филологический и энциклопедический типы словарей впервые в русской лексикографии определенно противопоставлены в предисловии к Толковому словарю русского языка под ред. Д. Н. Ушакова: "Как и все предыдущие словари русского языка, новый Толковый словарь не есть энциклопедический словарь языка, т.е. он не должен давать и не дает (разрядка наша – Н.М.) ни анализа, ни даже полного описания предметов и явлений; он "толкует" значение слова или различные его значения, если их несколько, и указывает случаи употребления слов" [15, с. 5]. В. Г. Ветвицкий, говоря о готовившемся в то время *Школьном толковом словаре* (под ред. А. И. Бабкина), подчеркнул: "...в этом словаре, естественно (разрядка наша – Н. М.), не должно быть полного описания предметов и явлений, называемых словом, как и во всяком филологическом слове" [3, с. 96].

Однако практический анализ данной альтернативы во многих работах лингвистов позволяет посмотреть на нее настороженно и даже критически. И не только потому, что едва ли не в любой филологический словарь проникают энциклопедические толкования. Почему, в частности, в том же *Толковом словаре* для школьников нужно непременно разграничивать и противопоставлять два типа толкования и объема информации? Ведь практические воспитательно-образовательные задачи приобщения к духовному богатству народа требуют иного: глубокого ознакомления учащейся молодежи с общей историей, историей отечественной культуры, а добиться этого только на уровне филологических толкований (без энциклопедической информации) вряд ли в полной мере возможно.

Отбор словника в энциклопедиях основывается на том, что повседневные слова данного языка уже известны читателю. Ее задача поэтому сводится к толкованию специальных слов (терминов, имен, названий и т.д.). Толковый словарь, напротив, разъясняет, прежде всего, "повседневные" слова. И все же точки соприкосновения между двумя типами словарей существуют: оба они имеют дело с взаимодействием слов и вещей, слов и понятий, хотя подходят к подобному взаимодействию с разных позиций и с разными целями, не во всем совпадающими.

В 60–80 гг. XX столетия у многих лингвистов возникло убеждение, согласно которому в лексикографии и лексикологии должны изучаться слова, а не понятия, выражаемые с помощью слов, и была высказана необходимость изучать язык как определенную замкнутую систему. Р. А. Будагов справедливо считает, что причина такого непримиримого противопоставления двух типов словарей и толкований строится в абсолютизации в лингвистике XX века идеи Ф. де Соссюра об изучении языка "в самом себе и

для себя" [1, с. 20]. Очевидно, под влиянием именно сосюрговской теории обычно большее внимание обращается на филологические достоинства и недостатки словарей, и не всегда учитывается их вклад в культуру того или иного народа (не исследуются словари как источник самых разных знаний). Вместе с тем действительность свидетельствует о том, что за последние 50 лет во всем мире резко возрос интерес к самым различным проблемам социологии языка.

До недавнего времени в языкознании было распространено мнение, согласно которому энциклопедические толкования понятий и предметов отличаются от филологических объяснений значений слов, как правило, только своей широтой. Согласно этой точке зрения, энциклопедические и филологические описания отличаются в основном с помощью количественных характеристик языков. Наблюдения А. И. Киселевского показали, что такого критерия недостаточно: и энциклопедические статьи бывают предельно лаконичными и экономными с точки зрения языковых средств. Исследователь решает не только вопрос, что отличает эти словари, но и что их объединяет. На основании анализа ученый доказал, что хотя интерпретация семантики слова отличается в обоих видах словарей, и для энциклопедического толкования, и для филологического объяснения характерна определенная композиционная целостность. Так, филологическое толкование слова, как правило, базируется на основном, достаточном для идентификации понятия минимуме релевантных признаков. Для стола, например, его назначение (*обеденный, письменный, кухонный; стол заказов; справоч; диетический* и т.д.) важнее размера и тем более формы, и та, в свою очередь, все же нужнее материала, из которого изготовлен стол и т.д. [4, с. 26].

Структура энциклопедического описания также стандартна, и она складывается преимущественно из двух частей: начальная часть статьи (семантическое описание) и последующая часть (предметное описание). Начальная конструкция описания энциклопедической статьи (семантическое описание) в значительной степени напоминает весь принцип логического построения описания значения слова в толковом (филологическом) словаре [5, с. 11]. Если семантическую часть языка описания энциклопедической статьи можно в известном смысле сблизить с языком описания толкового словаря, то вторая структурная часть языка описания энциклопедической статьи (предметное описание) не имеет соответствий в языке толкового словаря. В энциклопедических статьях вслед за семантическим описанием следует предметное описание всех сопутствующих деталей понятия. Предметное описание энциклопедий не связано с характеристикой слова, и в некоторых случаях предметная часть описания ограничивается от семантического описания определенным знаком.

По определению А. И. Киселевского, "языком-объектом можно считать всякое первичное высказывание о предметной сфере, а метаязыком – итоговое описание, строящееся на базе некоторого первичного описания" [5, с. 11]. Иначе говоря, филологические дефиниции представляют номинативную функцию языковой единицы, а энциклопедические описания, представляя экстралингвистическую информацию, хранимую словом, фразеологизмом или афоризмом, раскрывают их кумулятивную функцию.

Таким образом, овладевая строевыми единицами языка, обучаемый одновременно получает естественную возможность усвоить тот или иной объем сведений по истории, культуре, географии, экономике, образу жизни изучаемой страны. Объем информации в зависимости от конкретной заголовочной единицы может быть различным.

Аргументы в пользу совмещения обоих типов словарей в одном в науке накоплены, и обусловлены они реальностями жизни: связью значения слова с понятием, лексики языка – с "миром вещей" (отсюда известное направление школы "слов и вещей" Г. Шухардта, немецкая диалектография Г. Венкера-Ф. Вредэ, французское направление, идущее от Жильерона – "география слов" (Wortgeographie), стремление восточнославянской филологии решать на материале языка и его диалектов проблемы истории материальной и духовной культуры восточных славян (И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Я. К. Грот, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Е. Ф. Карский, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин и др.). В

XIX – нач. XX века диалектология у европейцев входила в состав этнографической науки [см. 16, с. 70]. "Развиваясь, язык вечно стремится к полному общему и частному соответствию мира слов миру понятий" [6, с. 1]. "Словарь должен быть хранителем, истолкователем всех фактов образованности народа, насколько она выражается звуками его языка, и потому полнота объяснений слов тем более в нем необходима, чем теснее связана она с особенностями жизни народа" [13, с. 12].

С появлением нового лингвистического направления – *когнитивной лингвистики* – современное языкознание сделало значительный шаг от системно-структурного анализа языка к его анализу в связи с ментальной деятельностью человека. Этот факт не мог не отразиться на теории и практике лексикографии. Так, опора на понятие о фреймах перспективна при создании "антропонимических" словарей, ориентирующихся на реальное восприятие и функционирование лексики в сознании человека. В связи с этим целесообразно ориентироваться на такой аспект фрейма, как ассоциативно-ситуативное поле, характеризующееся выраженным национально-историческим своеобразием. Фрейм можно интерпретировать как способ представления типовых знаний определенного, в частности национально-культурного, социума о стереотипных ситуациях. Целью концептуального анализа в когнитивной лингвистике "является раскрытие максимально всех знаний (представлений, образов, гештальтов), характерных для той или иной культуры, то есть это метод оформления того, что знает интуиция о том, что существует в коллективном неосознанном и передается языком, пребывающем в действии, то есть в речи" [17, с. 286].

Концепт как сложное структурированное целое нуждается в формировании соответствующей модели, которая отображала бы все его свойства.

Такой моделью концепта, по нашему мнению, может стать собственно *метод концептуального анализа*. В широком научном значении этот метод состоит в расчленении мысли на ее конечные (на определенном этапе) логические элементы. В языкознании разработкой метода концептуального анализа занимался французский лингвист Э. Бэнвенист. Так, в книге *Общая лингвистика* он подчеркивал, что "наука о языке должна выбрать для себя образец для подражания" среди "наук математических или индуктивных". Исследователь предлагает новый метод, где, "принимая за отправную точку естественное языковое выражение, лингвисты путем анализа проводят точное членение каждого выражения на его составные элементы, потом с помощью дальнейших последовательных операций, деление каждого элемента на более простые единицы. Цель этого метода состоит в выделении различительных единиц языка..." [2, с. 37–38]. Таким образом, метод концептуального анализа базируется на изучении языка, который является не только способом общения, познания и отражения объективного мира, но и способом его интерпретации.

Целью этого метода является анализ понятия, стоящего за языковым знаком. С помощью концептуального анализа объединяется языковая и культурная семантика слова, которая размежевывается прикладной лингвистикой в связи с разделением на языковую и концептуальную картины мира. В процессе этого анализа раскрывается не только *поверхностное* (филологическое), но и *глубинное* (культурное), связанное с ментальной деятельностью индивида содержание понятия. Эту мысль можно представить и несколько иначе. Так, по мнению Й. А. Стернина, "Любой концепт, независимо от типа, имеет базовый слой... – чувственный образ, кодирующий умственную единицу в универсальном предметном коде, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки. Когнитивные прослойки, отображающие развитие концепта, его принадлежность к другим концептам, дополняют базовую когнитивную прослойку" [14, с. 58–61]. Исследователь считает, что базовый слой концепта – это его ядро, а периферию составляют различного рода интерпретационные прослойки.

Перенося эту информацию в лексикографию, отметим, что ядром концепта, его базовым слоем, кодирующим главную информацию о предмете в сознании, является филологическое значение слова, а периферию составляет энциклопедическая информация о предмете. Такого рода информация, как правило, и представляется в различных

произведениях словарного типа: филологических и энциклопедических. Действительно, в основе лексического значения слова всегда лежит главный признак предмета, выделяемый коллективным опытом какого-либо социума. Например, филологическое значение слова РЫБА выглядит так: *"Живущее в воде и дышащее жабрами позвоночное животное с конечностями в виде плавников, с холодной кровью и с кожей, покрытой чешуей"*. Вместе с тем у этого существа есть много других признаков, которые отмечаются в словарях энциклопедических. В некоторых ситуациях именно эти дополнительные признаки рыбы являются более значительными, чем основной, и могут быть для человека очень важными. Это та информация, которую человек накопил о данном объекте за долгую историю контактов с ним.

Учитывая достижения предшествующих исследователей (Е. А. Селивановой, Л. О. Чернейко, И. А. Стернина, О. В. Пашиной, О. Ю. Лукашковой, Ю. С. Степанова, А. В. Рудаковой и нек. др.), последовательность этапов проведения метода концептуального анализа (который, как уже отмечалось, является абстрактной моделью структуры самого концепта, отражающей потенциально все его свойства) можно очертить следующим образом:

Во-первых, выявление концепта (концептов), имеющего культурологическое значение для изучения концептосферы народа и определение ее национальных особенностей.

Во-вторых, анализ внутреннего строения концепта, который проводится в такой последовательности: 1) этимологический анализ слова, представляющего концепт; 2) определение основных значений вербального выражения концепта, то есть анализ языковой семантики ключевого слова (имени концепта); 3) выделение основных, актуальных и пассивных признаков концепта и соответственно анализ языковой семантики лексем, представляющих признаки концепта в языке; 4) анализ синонимических единиц, представляющих концепт или (в зависимости от названия концепта) описание производных единиц, обозначающих лиц, качества, действия, состояния и т.д.

В-третьих, анализ репрезентации концепта (его имени или содержания) в выбранных контекстах (контекстуальный анализ): во фразеологизмах, поговорках, афоризмах, периодике, индивидуально-авторских номинациях и контекстах и т.д., что предполагает следующие приемы: 1) анализ прямого и скрытого содержания, а также переносного значения слова, которое представляет концепт; 2) выявление всех возможных значений и способов употребления имени концепта; 3) определение частотности функционирования концепта; 4) компонентный анализ; 5) композиционный анализ; 6) анализ лексической сочетаемости; 7) исследование парадигматических и синтагматических отношений.

Естественно, что в зависимости от самого концепта все приемы концептуального анализа могут использоваться либо выборочно, либо пополняться новыми этапами. Достоверность полученных результатов целесообразно подтвердить социолингвистическим экспериментом.

Важность изучения культурных концептов состоит в том, что они выполняют функцию посредников между человеком и окружающей действительностью, поэтому концептуальный анализ, направленный на системное исследование и описание знаний о мире, является основным способом изучения языковой картины мира.

Поскольку язык – один из способов формирования концептов в сознании человека, считаем возможным лексикографировать концепты в специальных словарях. Представляется, что наряду с филологическими и энциклопедическими, – имеют полное право на жизнь словари, в которых органично синтезируются признаки одних и других *как сознательная лексикографическая установка*. Сейчас это особенно актуально: обществом осознана необходимость глубокого непредвзятого постижения отечественной истории и богатейшей мировой культуры нашего многовекового прошлого. Долг лексикографа – послужить этому процессу.

В лексикографии созрели предпосылки для выделения особой области – концептографии, которую понимаем как комплексное толкование лексических единиц, входящих в состав концептонимии. Представленность в словарях комплексной

интерпретации слова в его связи с понятием, которое это слово обозначает, (то есть, филологическое значение слова плюс энциклопедическая информация) должно быть главным принципом словарей "концептографического" типа.

При этом следует признать, что и категория лексико-семантической трудности (ЛСТ) и собственно "глоссема", находясь в пределах когнитивной семантики, в широком смысле являются *концептами* [10; 11].

Практика реально существующих многочисленных и разнообразных глоссариев показывает, что реально существует и особая отрасль учебной лексикографии, обслуживающая потребности создания словарей лексико-семантических трудностей письменных текстов, которую можно назвать "глоссографией". Под *глоссографией* понимаем теорию и практику создания особого жанра учебных словарей антропоцентрического типа, состоящих из потенциально "трудных" в семантическом отношении слов и выражений, встречающихся в различного рода письменных текстах, а внутри данного жанра – типы глоссографических словарей соответствующего функционального стиля. Каждый из названных типов может представлять словарную серию как совокупность одинаковых по жанру и характеру лексикографирования словарей, различающихся либо массивом вовлеченных в описание единиц, либо адресатом.

Считаем необходимым терминологически разграничивать в глоссографии *глоссема* (самое слово или выражение, представляющее семантическую "трудность" в тексте), т. е. левую часть словарной статьи, и *глоссограмму* – комплексную интерпретацию "трудных" слов и выражений, т. е. правую часть словарной статьи.

"Глоссографические" словари, включая в себя "малоизвестную" и "неизвестную" лексику, тем самым отличаются как от энциклопедического (в котором отражается и "известная" лексика), так и от филологического словаря (в котором "известная" лексика представлена шире, чем два других ее типа). См, например, словари [7; 8; 9]

Для дальнейшей разработки теоретических основ "концептографии"/"глоссографии" целесообразно изучить мировую лексикографию с целью выявления словарей, имеющих "концептографические"/"глоссографические" черты со специфическими принципами их структурирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов Р. А. Толковые словари в национальной культуре народов. – М.: МГУ, 1989. – 151 с.
2. Бэнвенист Э. Общая лингвистика / Эмиль Бэнвенист ; [общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова]. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
3. Ветвицкий В. Г. О работе над составлением "Школьного толкового словаря" // РЯШ. – 1963. – № 3. – С. 96-100.
4. Девкин В. Д. Структура лексического значения // Лексика и лексикография. Сб. научных трудов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. – С. 21-35.
5. Киселевский А. И. Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. – Минск: Изд-во БГУ, 1977. – 173 с.
6. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. – Казань. 1883.
7. Макаров В. И., Матвеева Н. П. Словарь лексических трудностей художественной литературы. – К.: Радянська школа, 1989. – 367 с.
8. Макаров В. И., Матвеева Н. П. От Ромула до наших дней... Словарь лексических трудностей художественной литературы. – М.: "Былина", 1993. – 368 с.
9. Макаров В. И., Матвеева Н. П. Русская художественная литература: Лексические трудности. – М.: Современник, 1998. – 303 с. – (Словари школьника).
10. Матвеева Н. П. Лексико-семантические трудности письменного текста и их лексикографическая интерпретация : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.15 / Наталия Петровна Матвеева. – К., 1997. – 400 с.
11. Матвеева Н. Глоссонимия русского и украинского языков и ее лексикографическая интерпретация (на материале облигаторных художественных текстов) / Nataliya Matveyeva. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2009. – 254 с.

12. Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии. – М.: изд-во ин-та рус. яз. им. А.С. Пушкина. 1990. – 72 с.
13. Срезневский И. И. Записка о словаре малорусского наречия, составленном А. Афанасьевым // Изв. АН, отд. рус. яз. и словесн. Т. 3, вып. 5. – 1854. – С. 199-204.
14. Стернин И.А. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Сб. научных трудов. – Воронеж, 2001. – С. 58–61.
15. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4-х тт. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей. 1934-1940.
16. Толстой Н. И., Толстая С. М. Д. К. Зеленин – диалектолог // Проблемы славянской этнографии. – Л.: Наука, 1979. – С. 68-74.
17. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 320 с.

УДК 801.161.1'367

Игорь Меньшиков
(Днепропетровск)

СОГЛАСОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

У статті узгодження як один із типів підрядного синтаксичного зв'язку протиставляється уподібненню як засобу реалізації та маркування неієрархічних відношень між компонентами мовленнєвих ланцюгів. Описана сфера функціонування уподібнення у різних синтаксичних конструкціях.

Ключові слова: підрядний зв'язок, узгодження, позасистемні синтаксичні зв'язки, уподібнення, синтаксичне й семантичне уподібнення.

In suggested article the agreement, as one of the types of subordinate syntactic connection is given as the opposite one to assimilation as mean of realization and marking of not hierarchical relations between components of speech clusters. The sphere of functioning of assimilation in different syntactic constructions is described.

Key words: subordinate connection, agreement, extrasystem syntactic connection, assimilation, syntactic and semantic assimilation.

В целом ряде справочных лексикографических изданий, касающихся лингвистической терминологии, такие понятия, как согласование и уподобление, не всегда чётко противопоставлены друг другу, а слова, обозначающие эти понятия, в особенности второе из них, до сих пор не соотносятся со сколько-нибудь полной номенклатурой соответствующих синтаксических фигур. Более того, некоторые лингвисты вообще считают возможным квалифицировать согласование и уподобление (с теми или иными детерминантами этих терминов) в качестве синонимов. Так, в самом, пожалуй, популярном Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой читаем:

Уподобление грамматическое. *То же, что согласование.* И ниже:

Уподобление синтаксическое. *То же, что согласование неполное* [1, с. 486]. Сам же термин *согласование* вводится в словарь с уточнением в скобках: *грамматическое уподобление* [1, с. 437].

А. М. Ломов термину *согласование* с некоторыми, правда, оговорками ставит в соответствие ещё и такую дефиницию: *уподобление сказуемого подлежащему в двусоставных предложениях по общим грамматическим значениям* [5, с. 349].

Первая из приведенных словарных статей словаря О. С. Ахмановой просто дублируется и в Базовом словаре лингвистических терминов [12, с. 149]. Однако большинство лингвистов связывают рассматриваемые нами понятия с принципиально разными лингвистическими явлениями, о чём, в частности, прямо пишет И. С. Попова,